

Задолжено-ли православное духовенство православному русскому народу?

(По поводу статьи свящ. І. Трухманова въ № 29 Епарх. Вѣд. сего года).

Священникъ Арсеній Песоккій, помѣстивши въ № 5—6 Еп. Вѣд. свою статью о приготовительномъ классѣ при Бахмутскомъ духовномъ училищѣ, просилъ меня въ числѣ другихъ высказать свое мнѣніе по затронутому вопросу. Я не откликнулся тогда на призывъ о. Арсенія, во-первыхъ, потому, что затронутый имъ вопросъ, съ моей точки зрѣнія, не имѣетъ принципиальнаго значенія для всего духовенства, а во-вторыхъ, потому, что въ пользу приготовительныхъ классовъ можно говорить столько-же, сколько и противъ нихъ, что отлично и доказали о.о. А. Песоккій и І. Трухмановъ. Дѣло здѣсь во взглядахъ, въ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ окружного духовенства, въ добросовѣстности администраторовъ—педагоговъ школы, а главное въ средствахъ матеріальныхъ, достаточность или отсутствіе которыхъ такъ или иначе регулируетъ жизнеспособность приготовительнаго класса, какъ такового. Это фактъ жизни: при однихъ училищахъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, приготовительные классы существуютъ, отлично уживаясь съ общимъ строемъ школы, при другихъ—нѣтъ.

Своимъ отрицательнымъ взглядомъ на приготовительный классъ ни смотритель Бахм. дух. училища, ни о. І. Трухмановъ не открыли намъ ни новыхъ, болѣе устойчивыхъ, перспективъ подготовительнаго воспитанія подросткающаго поколѣнія, ни указали новыхъ горизонтовъ, съ вершинъ которыхъ можно-бы было болѣе правильно учесть всю цѣнность методовъ и задачъ воспитанія новыхъ людей на новыхъ, болѣе свѣтлыхъ началахъ жизни, не молвили, какъ думаютъ, «живого слова», напротивъ, рекомендуютъ забытые пути подгото-

вительнаго воспитанія, совѣтуютъ готовить дѣтей дома— въ школахъ земскоѣ и церковноѣ, рисуя всѣ преимущества такого воспитанія предъ воспитаніемъ въ приготовительномъ классѣ, который, по словамъ о. І. Трухманова, не имѣетъ никакой *«органической связи съ остовомъ духовной школы»*. Спорить съ о. І. Трухмановымъ и съ о. смотрителемъ Бахм. дух. училища по этому вопросу было бы бесполезнымъ, такъ какъ доводы и положенія ихъ чисто субъективнаго характера, результатъ ихъ личныхъ взглядовъ, съ которыми, напримѣръ, я рѣшительно не согласенъ. Что можетъ быть парадоксальнѣе, хотя бы, мнѣнія, что приготовительный классъ *«органически не связанъ съ остовомъ духовной школы»* лишь потому, что классъ этотъ—явленіе случайное въ жизни духовныхъ училищъ, какъ усмотрѣлъ это о. І. Трухмановъ въ Уст. дух. училищъ. Въ женскихъ гимназіяхъ восьмой классъ, седьмой—въ Епарх. женскихъ училищахъ и параллельные въ нихъ классы—также явленіе случайное, однако и самъ о. Іоаннъ не станетъ утверждать, что классы эти не связаны органически со всей школой, съ классами нормальными. Рациональное воспитаніе всегда и вездѣ, на всемъ своемъ протяженіи, должно имѣть стройную—цѣлостную, законченную систему, и если это не всегда бываетъ такъ, то вина здѣсь падаетъ на самихъ воспитателей—живыхъ людей. Ясно, что домашняя случайная подготовка всегда менѣе желательна и удобна для цѣлей нормальной школы, чѣмъ подготовка въ приготовительномъ классѣ той же школы.

Такой же условной цѣнности и другія положенія о. І. Трухманова по этому вопросу, включительно до тенденціозной переоцѣнки благодѣтельнаго вліянія крестьянскихъ дѣтей-школьниковъ на будущихъ питомцевъ дух. училищъ. Развращенность «приготовишекъ» Бахм. дух. училища, такъ неприглядно очерченная о. І. Трухмановымъ, характерна тѣмъ

болѣе, что самъ онъ говоритъ: «ни домашнія дѣти духовенства, ни грубыя дѣти крестьянъ незнакомы съ такими художествами» и тѣмъ самымъ успѣхъ въ такихъ «художествахъ» приписываетъ всецѣло какъ бы духовной школѣ. «И мы стыдимся даже предполагать, что дѣти, въ большинствѣ случаевъ воспитанныя самими матерями и богобоязненными отцами-служителями алтаря, могутъ быть настолько неблаговоспитанными, что площадныя ругательства, грубыя и непристойныя шутки характеризуютъ существо ихъ, становятся сферой ихъ личной жизни. (Церк. Вѣстн. 1904 г., № 8—стр. 235). Но такъ ли это? Дѣйствительно ли духовная школа повинна въ этомъ грѣхѣ? Въдь это же «приготовишки», какъ говоритъ самъ о. І. Трухмановъ, т. е. дѣти, менѣе другихъ воспитанныя въ началахъ духовно-учебной сферы. Правда, въ Бахм. дух. училищѣ «во дни оны» была нездоровая атмосфера, судя по нѣкоторымъ §§ той петиціи, которую въ 1905 году предъявили ученики своему начальству, но все же такія «художества», о какихъ говоритъ о. Трухмановъ, приготовишки могли принести въ училище лишь изъ деревни, гдѣ «эти ненужныя свѣдѣнія они позаимствовали отъ работника, или другимъ подобнымъ путемъ. Эти «свѣдѣнія» пользуются большою популярностью и часто служатъ поводомъ къ возникновенію всякаго рода дурныхъ привычекъ и пороковъ среди бурсаковъ». («Рус. Школа» 1903 г., стр. 140—158). И какъ ни свѣтло смотритъ о. Трухмановъ на благонравіе крестьянскихъ дѣтей-школьчиковъ, я далеко не солидаренъ съ нимъ по этому вопросу, а склонность крестьянскихъ школьничковъ къ сквернословію и грубымъ, подчасъ циничнымъ, шуткамъ—общезвѣстный фактъ, а не «вздоръ и жалкій предрасудокъ», какъ думаетъ о. І. Трухмановъ.

Отмѣчая неуспѣхъ учениковъ Бахм. духовнаго училища

на протяженіи всего училищнаго курса, о. Трухмановъ фактъ этотъ обосновываетъ на томъ соображеніи, что ученики начинаютъ свой учебный курсъ съ неодинаковымъ развитіемъ и съ рѣзко различающимся уровнемъ познанія. Обстоятельство это *lo ipso* говоритъ не противъ, а въ пользу приготовительнаго класса, какъ такового. Ужасающая малоуспѣшность учениковъ духовныхъ училищъ вообще подтверждается цифровыми данными, добытыми изъ Епарх. Вѣдомостей, напримѣръ, за 1900—1902 годы: болѣе 40% малоуспѣшныхъ оказалось въ 64 дух. училищахъ, въ числѣ которыхъ въ 14 училищахъ было 50% и въ двухъ 60%. Но не большихъ успѣховъ достигла за это время и школа свѣтская, что видно, напримѣръ, изъ циркуляра г. Министра Народн. Просвѣщенія, гдѣ говорится, что *«даже среди сочиненій, исполненныхъ на испытаніяхъ зрѣлости, не рѣдко оказываются работы слабыя не только по внутреннему своему содержанію, но и по обилію грамматическихъ и стилистическихъ ошибокъ»*. (Прав. Вѣстн.» 1901 г. № 91). Не лучше стоитъ дѣло и въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ наблюдается *«дурное правописаніе и отсутствіе элементарнаго навыка въ письменномъ изложеніи мыслей»*. («Рус. Школа» за 1903 годъ). Дѣло, слѣдовательно, не въ приготовительномъ классѣ, который, по словамъ о. Трухманова, давно упраздненъ при свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь повинны общія причины, достаточно уже отмѣченныя періодическою печатью, и говорить теперь о нихъ—не входитъ въ мою задачу. Меня интересуютъ другія—*pro domo sua*—положенія о. Трухманова, о которыхъ и поведемъ рѣчь. О. Іоаннъ, восхваляя идеальную организацію приготовительнаго класса при Ростовскомъ мореходномъ училищѣ и считая это роскошью, для духовенства недоступною, говоритъ, идя, такъ сказать, по «курсу» вѣка сего: *«мы и такъ учимся и учимъ дѣтей своихъ за счетъ положительно вы-*

нужденныхъ и вымогаемыхъ жертвъ народа, учитываяя тѣмъ самымъ послѣдніе шансы на образованіе ихъ дѣтей» (стр. 651) и приглашаетъ духовенство «кѣ погашенію того долга народу, которымъ изстари питалось просвѣщеніе нашихъ дѣтей, въ видѣ всяческихъ недобровольныхъ взносовъ церквей на училища» (стр. 656). О. Трухмановъ обличаетъ все русское духовенство въ вѣковомъ, насильственно-своекорыстномъ эксплуатированіи русскаго народа—его матеріальныхъ средствъ. Обвиненіе тяжкое, но въ наши дни не новое, такъ что острый характеръ обиды притупился. Но все же услышать такую обидную рѣчь изъ устъ своего-же собрата болѣе тяжело и непріятно, чѣмъ отъ лица мірянина. Тяжело потому, что священникъ болѣе чѣмъ мірянинъ имѣетъ шансовъ учестъ всю ложь и фальшь подобнаго обвиненія, построеннаго на непріязни къ сословному сепаратизму духовенства; итакъ хочется вѣрить, что о. І. Трухмановъ, къ которому я лично питаю чувство искренняго уваженія, лишь неудачно обмолвился по адресу духовенства въ порывѣ увлеченія модными освободительными тенденціями; но все же фактъ остается фактомъ. Итакъ, сколько же правды въ обличительныхъ словахъ о. І. Трухманова?

Что духовно-учебныя заведенія въ большой мѣрѣ содержатся на суммы, поступающія изъ церквей епархіи,—это фактъ жизни, но непонятно, на какомъ основаніи о. Трухмановъ утверждаетъ, что суммы церковныя—достояніе народа, его собственность, которую доховенство несправедливо расходуетъ по своему усмотрѣнію... Христіане всегда смотрѣли на церковное имущество не какъ на корпоративное, а какъ на данное Богу съ цѣлью служенія Богу и вспоможенія бѣднымъ, слѣдовательно, какъ на имущество институтное, распоряженіе которымъ всегда принадлежало епископу. (*Суворовъ. Курсы Церк. Права, т. 2, стр. 410*). Въ этомъ-же духѣ говоритъ

и 15 правило Анкирскаго Собора и правило первое Двукратнаго собора, гдѣ обстоятельно разъяснено, что путемъ пожертвованія и посвященія Богу имущества, оно переходитъ во власть—собственность того учрежденія, которому пожертвовано и что прежній владѣлецъ имущества не можетъ считать себя собственникомъ пожертвованнаго, а изъ толкованія Вальсамона на это правило видно, что оно признавалось на практикѣ и въ позднѣйшее время, какъ выражающее постоянную норму церковнаго права. Даже съ точки зрѣнія современныхъ гражданскихъ законовъ жертвователямъ не предоставлено права вмѣшиваться въ распоряженіе пожертвованнымъ имуществомъ, разъ не указана ясно и опредѣленно цѣль жертвы. (*Сводъ Зак. т. X. ч. 1., ст. 974—976*).

Отсюда ясно, насколько правъ о. Трухмановъ, говоря, что имущество церковное есть достояніе народа и что духовенство, распоряжаясь этимъ народнымъ достояніемъ, узурпируетъ, такъ сказать, право народа, являясь, такимъ образомъ, его должникомъ. Но почему о. Трухмановъ допускаетъ и не считаетъ преступной узурпаціей права народа распоряженіе тѣми матеріальными средствами, поступающими на его—о. Иоанна—содержаніе изъ братской кружки, которая собирается тоже изъ жертвъ народа? Если матеріальныя средства о. Трухманова одолжены его труду по удовлетворенію религіозно-бытовыхъ потребностей народа, то и достояніе церковное пріобрѣтается въ томъ-же порядкѣ, и если о. І. Трухмановъ считаетъ закономѣрнымъ распоряженіе своимъ достояніемъ, расходуя его на воспитаніе своихъ дѣтей даже въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ цѣляхъ отсюда вытекающихъ, то почему-же расходование части церковнаго достоянія на воспитаніе будущихъ служителей церкви—пастырей народа, т. е., на дѣло религіи, о. Трухмановъ считаетъ актомъ незаконномѣрнымъ? Я думаю, такимъ образомъ, что

современное русское духовенство, при наличности существующих узаконеній и религіозно-бытовых формъ жизни, состоитъ въ долгу лишь у Бога, но не у народа, которому всегда служило вѣрой и правдой: «часто въ бдѣніи, голодѣ и жадѣ, на стужѣ и въ наготѣ и многократно при смерти»...

Называя народной жертвой церковное достояніе, о. Трухмановъ говоритъ, что достояніе это собирается въ храмы «положительно вынужденнымъ» — «насильственнымъ» путемъ. Это уже явная клевета на духовенство. Не говоря о томъ, что понятіе о жертвѣ несомѣстимо съ понятіемъ о принужденіи, положеніе о. Трухманова не совпадаетъ и съ дѣйствительностію: ни одинъ священникъ никогда не принуждалъ въ храмѣ прихожанъ возжигать той или иной цѣнности свѣчи, кромѣ, такъ называемой, заворотной свѣчи, уже давно ушедшей въ область преданья старины глубокой, и никогда не принуждалъ вложить въ кошелекъ и кружку ту или иную жертву; сумма личнаго пожертвованія прихожаниномъ въ пользу храма всегда и вездѣ регулируется лишь усердіемъ жертвователя—христіанина силой его молитвеннаго настроенія, а не силой принужденія, какъ думаетъ о. Іоаннъ Трухмановъ.

Послѣ всего сказаннаго само-собою падаетъ и обвиненіе о. Трухмановымъ духовенства въ его вѣковомъ пристрастіи къ «даровщинѣ». Дѣлая взносы отъ церквей на духовно-учебное дѣло, духовенство беретъ не чужое, не мірское достояніе, а Божье—имущество Господне (*Апост. Пров. 38, 40, 41*). И нѣтъ ничего преступнаго въ томъ, что служащіе алтарю отъ алтаря питаются — удовлетворяютъ свои нужды, ко благу церкви клонящіяся. Но духовенство, какъ вѣдаетъ о. Трухмановъ, бывшій благочинный и депутатъ Съѣздовъ, не на церковныя лишь суммы воспитываетъ своихъ дѣтей, но затрачиваетъ не мало и личныхъ своихъ средствъ.

Ошибается также о. Трухмановъ, когда говорить, что духовенство, въ своей спячкѣ и пристрастїи къ рутинѣ, отстаиваетъ приготовительный классъ, только какъ даровщину, а не по высшимъ морально-интеллектуальнымъ причинамъ и утверждаетъ, что, если бы духовенству пришлось поступиться въ пользу приготовительнаго класса своими матеріальными средствами, то оно сразу бы «убѣдилось» въ его непригодности. Но я думаю, что, отстаивая приготовительный классъ, духовенство стоитъ на болѣе жизненномъ пониманїи воспитательнаго дѣла, чѣмъ думаетъ это о. Трухмановъ, такъ неудачно выступившій подъ стягомъ освободительныхъ тенденцій въ защиту пригрѣзившагося ему попранія народныхъ правъ и интересовъ. *Dixi et animam levavi!* Но легко-ли и въ душѣ о. Иоанна? Не думаю, ибо затронутые имъ вопросы, поскольку они касаются уравновѣшенія соотношенія силъ пастырей и пасомыхъ въ сферѣ церковно-приходской жизни—вопросы дѣйствительно болѣные для духовенства, достаточно назрѣвшіе и требующіе неотложнаго рѣшенія—новой нормировки. Въ этомъ пунктѣ я охотно присоединяюсь къ о. І. Трухманову, въ сознанїи, что не все существующее хорошо; но разъ оно существуетъ, опираясь на нормы права: юридическаго-ли то, или каноническаго. — должно считаться явленіемъ закономѣрнымъ во времени. И если бы о. Трухмановъ сталъ въ защиту не правъ народа, якобы поправныхъ духовенствомъ, а въ защиту будущихъ, желательныхъ для блага церкви, правъ православно русскаго прихода, какъ юридической единицы, я бы не считалъ возможнымъ стать его противникомъ.

Священникъ *Павелъ Григоровичъ.*

